

Он сердцем понимал проблемы церковной жизни

Десять лет назад, 4 ноября 2003 года, скончался митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев). С его именем связана целая эпоха в жизни Русской Православной Церкви — миссионер и апологет, архипастырь, он достойно потрудился на церковной ниве в годы государственного атеизма. Усердно и успешно он распространял свет духовного просвещения, более 30 лет руководя Издательским отделом Московской Патриархии. Но в еще большей степени этому содействовал личный пример благочестия, смирения и терпения, его удивительное обаяние, внутренняя собранность, истинное благородство носителя многовековой отечественной традиции, не только духовной, но и культурной. О знаменитом архипастыре вспоминает иеромонах Никон (Белавенец).

Тот теплый субботний летний день уже больше тридцати лет бережно сохраняется в моей памяти. Я даже помню точное число — 5 июля 1980 года.

Днем мне позвонил бывший одноклассник Юрка Тарасов, с которым мы уже года три посещали богослужения в московских храмах. Тарасик, как его звали ученики нашего класса, с раннего детства воспитывался мамой в народно-православном духе и к 17 годам мог считаться крупным знатоком приходской жизни брежневской Москвы. Обладая прекрасной памятью, он безошибочно называл по имени настоятелей всех основных храмов Первопрестольной. Я же еще только делал первые шаги к сознательной церковной жизни, поэтому неудивительно, что Юрка в этих условиях выступал в роли опытного гида.

«Ты не хочешь сегодня поехать на всенощную в собор? — спросил мой наставник и, не дожидаясь ответа, прибавил: Святейший отдыхает в Одессе, скорее всего, будет служить владыка Питирим». При упоминании этого имени я испытал радост-

ное волнение. Дело в том, что помимо хорошей памяти мой друг владел крайне редким по тем временам сокровищем — подборкой настольных православных календарей за 1970-е годы. Более того, с его помощью и я в том знаменательном году стал обладателем подобной библиографической редкости. Как и в наше время, одним из интереснейших разделов была вклейка на мелованной бумаге с портретами архиереев Русской Православной Церкви. И вот среди нескольких десятков архипастырей мое внимание сразу же привлекло фото архиепископа Волоколамского Питирима. Помнится, я даже не удержался и довольно фамильярно сказал Юрке: «Гляди, какой симпатяга!» С тех пор одним из моих навязчивых желаний стало побывать на службе понравившегося владыки. Поэтому моим ответом могло быть лишь твердое «да».

У молодого человека первых десятилетий XXI века может вызвать законное удивление тот факт, что я даже не поинтересовался, о каком соборе идет речь. Но для нас, кто вступил за порог церковной жизни в конце 1970-х годов,

было совершенно очевидно, что речь может идти только о Богоявленском Патриаршем соборе, в просторечии — Елоховском. Ибо других открытых для совершения богослужений соборов в Москве не было.

И вот мы в храме. Тарасик сразу же сказал, что надо пробираться в правую сторону главного придела, чтобы быстрее оказаться в очереди к елеопомазыванию. Мы заняли удобную позицию, и началось всенощное бдение. «Всё точно, служит владыка Питирим, — прошептал Юрка и, увидев мой вопросительный взгляд, добавил: вон из боковых дверей вышел его иподиакон». Проследив за взглядом моего друга, я увидел небольшого роста интеллигентного юношу в очках и с достаточно длинными волосами. «Кажется, его зовут Слава», — завершил свой комментарий мой наставник. Это был действительно архиерейский посошник Слава — ныне маститый седовласый протоиерей Вячеслав Тулулов, настоятель одного из храмов в Сергиевом Посаде.

Не помню, как пролетела великая вечерня, погас свет и началось чтение

шестопсалмия. И вот наконец мирная ектения, чудесные резные Царские врата открываются, и на амвоне появляется тот, чей взгляд на портрете в церковном календаре уже несколько лет не давал мне покоя. Исчезла советская власть, Брежнев с «Малой землей», комсомол, КГБ, я как бы очутился в Российской империи, которую до этого видел только на черно-белых фотографиях в книгах. Но вот завершился полиелей, было прочитано Евангелие, собор на одном дыхании пропел «Воскресение Христово видевшее». Народ потянулся к елеопомазванию, и тут я ощутил жуткий страх, близкий к паническому ужасу. Конечно, я уже много раз в своей недолгой жизни «практикующего христианина» подходил к помазванию. Но одно

дело — небольшой храм в Аксиньине, где в полумраке тебя особо никто не выделяет, и совсем другое — залитый светом патриарший собор, где к тому же, чтобы подойти к архиерейской кафедре, надо подниматься на довольно значительное возвышение. «Юрка, я, наверное, не пойду», — прошептал я, поблдев. «Да ладно тебе», — успокоил меня друг и наставник, — тут кроме нас полно молодежи». Не столько слова, сколько интонация моего опекуна сделали свое дело, и мне удалось взять себя в руки. В качестве компромисса я попросил Юру идти первым и надеть на себя мою ярко-белую ветровку.

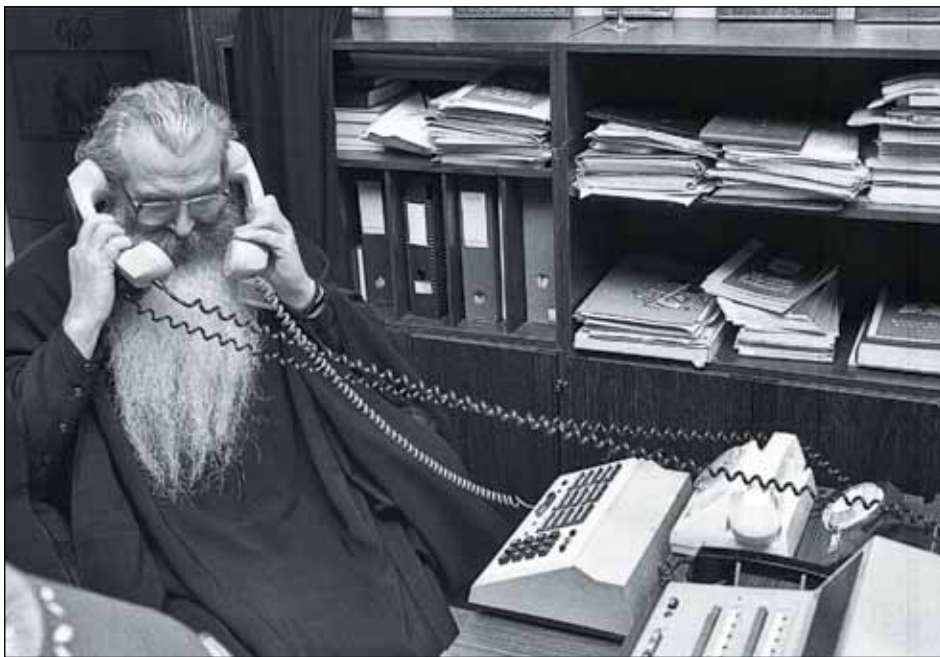
И вот мы уже на подходе к кафедре. Меня буквально трясет из-за ощущения, что весь собор смотрит только

на меня. Чтобы отвлечься, стараюсь, пока есть время, рассмотреть того, кто покорило мое воображение. Величественная осанка, пронзительный взгляд из-под густых бровей, черные усы контрастируют с седой, почти белой бородой. Но вот уже подходит Юркина очередь. Я внимательно смотрю, на какое расстояние надо подойти к архиерею, чтобы не заставляя (мой наставник специально на это обратил мое внимание) архиерея слишком вытягивать руку вперед.

И тут произошло то, что круто изменило всю мою дальнейшую жизнь. Уста святителя озарились доброй отеческой улыбкой. «Ребятки, вы москвичи, не хотите с нами поближе познакомиться?» — прозвучал его удивительный голос. Сказать, что я был потрясен, значит, не сказать ничего. Наверное, подобное потрясение испытал апостол Павел на пути в Дамаск. Дело в том, что, хотя я и был крещен в младенчестве и бабушка меня даже до семи лет с достаточной регулярностью старалась причащать, среднее поколение моей семьи — мама, тетя и ее муж — были людьми совершенно нецерковными. Да, меня тянуло в храм, я полюбил православное богослужение, я даже уже один раз к тому времени исповедовался и причастился, но так близко прикоснуться к внутрицерковной жизни я был явно не готов.

Как в тумане я слышал, что Юрка что-то бодро рапортует святителю, что тот поясняет, что нам надо подойти к служебному входу в алтарь. «Что делать?» — мучительный вопрос раздавался набатом в моей голове. С одной стороны, я с ужасом понимал, что практически мало что знаю о вере и Церкви, с другой — я привык ничего не скрывать от мамы, а как она отнесется к такому знакомству?

Как только мы подошли к служебному входу, на крыльце появился высокий иподиакон, представившийся

Владимиром. Это был нынешний викарий Святейшего Патриарха епископ Красногорский Иринарх. Подробно расспросив каждого о семье и степени нашей воцерковленности, он вновь исчез за дверями, попросив нас подождать конца службы. Надо сказать, что чувствовал я себя не совсем комфортно, так как, честно рассказав всё о своей семье, полагал, что вряд ли обрадую владыку своей биографией, единственным «светлым пятном» в которой присутствовал скончавшийся задолго до моего рождения двою-

родный брат мамы, бывший иеродиакон в Троице-Сергиевой лавре. Каково же было мое удивление, когда первые слова вышедшего через некоторое время на крыльцо архиепископа Питирима были обращены ко мне: «Ты родственник отца Даниила? Передай своей семье, что и я, и Святейший помнят его и молятся о нем». Вот и отпал сам собой вопрос, говорить или не говорить маме, мелькнула тут же в голове радостная мысль. А владыка тем временем, обращая уже к нам обоим, продолжил: «Ребятки, мы вам не

навязываемся, но советуем держаться к нам поближе».

Много позднее мне в руки попался доклад заместителя председателя Совета по делам религий В.Г. Фурова, где последний относил архиепископа Питирима к группе самых лояльных советской власти иерархов, «которые и на словах, и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах, и в том же духе воспитывают приходское духовенство, верующих». Я не мог читать этих строк без смеха, ведь, призывая несовершеннолетнего школьника к более тесному общению с Церковью, владыка совершал грубейшее нарушение советского законодательства.

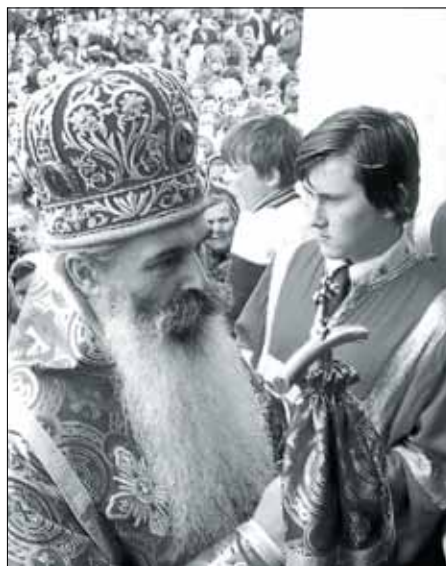
На рубеже 1980–1990-х годов я узнал и о других «нелояльностях» выдающегося иерарха. Об одном случае как-то рассказал сам владыка. Во время возвращения из зарубежной поездки у него на советской таможне потребовали открыть чемодан (как я понял, обычно советские спецслужбы проявляли к архипастырю относительную лояльность). По «чудесному» совпадению именно в этот раз на самом видном месте в чемодане красовался Солженицын. Был составлен протокол, который направили напрямик в Совет по делам религий. Попал он к уже упоминавшемуся В.Г. Фурову. По словам владыки, от полного краха его спасла лишь лютая ненависть, которую питал к своему заместителю председатель совета В.А. Куроедов. В итоге всё обошлось. О другом случае мне поведал иподиакон владыки, а ныне протоиерей Михаил Дронов. Когда в начале 1980-х годов его отец протоиерей Александр Дронов за стойкость в вере был лишен регистрации, без которой в советское время ни один священник не мог служить, именно архиепископ Питирим благословил обустроить ему храм в городском доме Липецка.

Тогда 5 июля 1980 года я обо всем этом не догадывался, но призыв архипастыря «держаться ближе» воспринял как призыв самого Господа. Первые два года я просто посещал богослужения, молясь в алтаре, а в апреле 1982 года получил благословение на ношение стихаря. Именно от владыки Питирима мне посчастливилось принять монашеский постриг и таинство священства. Готовясь к совершению моей иерейской хиротонии, митрополит Питирим распорядился подготовить малый омофор белого цвета, не соответствующий ни одному из известных облачений владыки (к тому времени я уже три года нес послушание архиерейского ризничего и знал все облачения как свои пять пальцев). Заметив мой недоуменный взгляд, владыка улыбнулся и сказал: «Это от облачения Святейшего Патриарха Алексия. Того, в котором он лежит в гробу». Уже после кончины владыки этот омофор передали мне, и сейчас я его храню как величайшую святыню.

Владыка всю свою жизнь старался соответствовать тому высокому представлению о пастырстве, которое сложилось у него под влиянием таких выдающихся личностей, как его духовный отец протоиерей Александр Воскресенский и Патриарх Алексий I. Он ощущал себя связующим звеном между дореволюционным духовенством и служителями Церкви XXI века. Его память хранила огромное количество уникальных историй из трудной, исповеднической жизни архипастырей, пастырей и мирян советского периода. И при каждом удобном случае владыка стремился делиться с нами, его учениками, этим бесценным наследием. Нас, своих иподиаконов, он любил водить по Немецкому (Введенскому) кладбищу, показывая могилы подвижников веры XX столетия. Помнится, в году 1990-м в наш храм Воскресения словущего в Брюсовом переулке

зашел помолиться протопресвитер Александр Киселев, впервые после длительного перерыва сумевший приехать на родину. Владыка тихонько подозвал меня и сказал шепотом, показывая на статную фигуру 80-летнего старца: «Смотри, как молится настоящий русский священник!»

С другой стороны, про духовенство, не дотягивавшее, по его мнению, до подобной планки, владыка как-то выразился весьма лаконично: «Они все очень милые люди». Надо сказать, что, любя Русскую Церковь всем своим сердцем, митрополит Питирим понимал и все проблемы церковной жизни. Однажды, выслушав мои сбивчивые жалобы на церковные дела, он заме-

*Иподиакон владыки Питирима
Сергей Белавенец. 30 мая 1982 г.*

тил: «Знаешь, я в своей жизни повидал многое. Арест отца, ночные звонки в дверь, когда моя сестра Ольга должна была выбегать на лестницу черного входа — как дочь лишенца она не могла прописаться в Москве. Но первый раз в жизни я заплакал в семинарии. Я шел из Новодевичьего монастыря, и по моим щекам текли слезы...» Мне не хватило духу спросить у владыки, что могло вызвать такую реакцию. Но интонацию, с которой это было сказано, я запомнил на всю жизнь.

Меня всегда поражало, с какой легкостью владыка мог общаться как с неграмотной старушкой, так и с академиками, генералами и президентами. И каждому он отдавал частичку своей богатой души и своего большого сердца. Не терпел он двух вещей: равнодушия и фальши. «Если бы ты был холоден или горяч!» — напоминал мне владыка слова Откровения, замечая теплохладное отношение к тому или иному порученному мне делу. Он сам горел как свеча, не жалея себя. И такого же горения ожидал от нас.

Он был гением. А находиться долгое время рядом с гением сколь почетно, столь и трудно. Гений не терпит рядом с собой посредственности, а для того, чтобы каждодневно соответствовать его уровню, надо было самому быть гением. К сожалению, я таковым не только никогда не был, но и зачастую не имел терпения, чтобы хотя бы отдавать все свои силы тому служению, которое было смыслом его жизни.

В последние годы мы общались нечасто, но от самой мысли, что владыка есть, что наступит тот или иной праздник, когда вновь можно будет ему сослужить, было необычайно тепло и спокойно. Первое время после его кончины было ощущение, словно что-то оборвалось внутри. Трудно было себя даже заставить поехать на знаменитый на всё Подмосковье крестный ход в селе Спирове. Ведь там уже не будет владыки!

Незаметно пролетело десять лет, как владыка покинул земной мир. Но у нас осталась возможность молиться и тогда, если молитва наша будет хоть чуть-чуть пламенеть по сравнению с обычным состоянием, верю, он подскажет что-то важное, что еще сокрыто от нас в повседневной суетливой жизни.

Иеромонах Никон (Белавенец)